

В

первой половине июля 2015 года, в один из самых длинных летних дней, до меня дошла печальная весть о том, что из жизни ушел известный поэт и публицист Геннадий Попов. Лауреат многих престижных премий, в их числе имени Афанасия Фета и Расула Гамзатова. Жизнелюб, он постоянно находился в борьбе со всеми, навалившимися на него в последние годы, недугами. Каждое утро ходил на речной пляж Оки, делал зарядку, а потом погружался в воду и подолгу плавал. И так изо дня в день, пока река не сковывалась льдом. А зимой в центральном парке города Орла, он, на диво прохожим, кутавшимся в теплую одежду, ходил по снегу босиком. И вдруг...

Мы были поздними друзьями, но мне казалось, что знали друг друга десятки лет. Во многих деталях и подробностях мне запомнился мой приезд в город Орел, на свою малую родину, в апреле 2013 года. Он в некоторой степени был связан с фестивалем-конкурсом российского уровня «Хрустальный родник» — детищем Геннадия Попова. Поэт свой родник пестовал, всячески пропагандировал, не давая ему пересохнуть. Главным открытием «Хрустального родника»-2013 стал молодой литератор из Бе-

ларуси Андрей Матвиенко. По завершении официальных меропрятий состоялся банкет в одной из заводских столовых на окраине города, а потом группу из нескольких человек, среди которых был и я, пригласил в свою творческую мастерскую известный художник Анатолий Костянников.

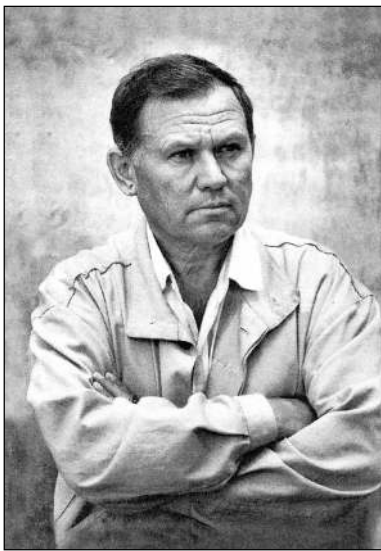
До мастерской нам пришлось добираться на маршрутном автобусе, куда мы вместились без особого напряжения и давки. Нашу мужскую компанию приятно украшали поэтессы: чернявая Наталья, накануне получившая билет члена Союза писателей России, и общительная Валентина Ерофеева-Тверская — с огненно-рыжими волосами, женщина с азиатским прищуром зеленых глаз. Она, опередив всех нас, достала из сумочки сто рублей и протянула контролеру:

— За всех.

— Ну, даете, — улыбнулась контролер.

— И что? Где вы еще увидите, как баба из Сибири оплачивает проезд стольких мужчин.

Раздался дружный хохот. Многие из пассажиров с интересом наблюдали за нами, редко кто видел в такой доступной близости целую гвардию писателей. После двух пересадок шли пешком. Нашим ведущим был Геннадий Попов.

Геннадий Попов

С каждой минутой вечер утяжелялся, на округу накатывало черное покрывало приближающейся ночи. За разговорами не заметили, как пришли. Остановились у подъезда огромного многоквартирного дома. По домофону сообщили о своем приходе. В двери что-то щелкнуло, пискнуло, и она отворилась. Из зева подъезда дохнуло запахами жареной картошки, рыбы, кислых щей, сигаретным дымом...

Живая цепь из шести человек гусеницей-многоножкой двигалась по стволу лестничной клетки вперед, все выше и выше. И вот он, длинный коридор с антресолями цокольного этажа — пристанище известных орловских художников. Распахнулась одна из дверей, выпуская в коридор охашку электрического света, и перед нами предстал невысокий плотный бородач с густыми, зачесанными вверх волосами. Человек средних лет, подвижный, с несколько удлинненными руками. Хозяевами этих рук с крепкими пальцами могли бы быть токари и слесари, каменщики и плотники, но здесь они принадлежали художнику Анатолию Костянникову.

— Входите, жду.

Из коридорного полумрака мы перешли в хорошо освещенную мастерскую. У входа находился рабочий стол с натуральным натюрмортом: бутылка водки, бутылка коньяка, полторашка минеральной воды, сыр, шайбочками нарезанная колбаса, ядра апельсинов, полумесяцы бананов и с румяными бочками яблоки. А справа, на сплошной глухой стене — огромное полотно внушительных размеров: три на семь метров.

Семь — число магическое. И нас в мастерской вместе с хозяином семеро. На неопределенное время мы вдруг стали придатками картины «Судьбищенская битва», в каждом из нас зазвучали стихи Геннадия Попова из поэмы «Синий камень»:

Все знал Господь, прозрев сквозь время:
Сойдутся завтра здесь полки.
В смертельной схватке — стремя в стремя,
Небесной воле вопреки.

Мы разом притихли, всматриваясь в лица ратников «Судьбищенской битвы». Все воины, как на подбор. Все они главные герои, и нет среди них второстепенных. Кто важнее? Тот, кто на белом коне, или тот, кто с иконой Божьей Матери с младенцем? Все одинаково нужны — все герои. Битва на фоне дымного смрадного неба с ярко-голубыми проплешинами. Природа в томительном ожидании. В голубизне вот-вот появится яркое солнце — солнце победы. До невероятных размеров раздвинулась в длину и ширину мастерская художника.

Теперь эту картину дополняли и мы, успевшие прилично пожить в двадцатом и продолжающие свою жизнь в новом, двадцать первом веке. В этот вечер прошлое и настоящее словно соединились, слились в единое целое. И даже израненным неприятельским воинам хотелось подать руку помощи, залечить их раны и отправить назад к своим ханам и мурзам со словами предупреждения Александра Невского: «Кто с мечом к нам придет, от меча и погибнет».

Судьбищенская битва — залог будущих побед Российского государства.

Она произошла в 1550 году в селе Судьбище (теперь это Новосильский район Орловской области). В этих местах мне Богом была дарована жизнь. Я родился в деревне Тростниково — в деревне с казацкими корнями, известной еще со времен Ивана Грозного. Возможно, что в этом сражении принимали участие и мои далекие предки. Мы — частица прошлого, которому, благодаря таланту Анатолия Костяникова, обеспечена долгая жизнь.

Неотделим от прошлого в ту ночь был и близкий друг художника Геннадий Попов:

Ударил гром и высек пламень —
Предвестник битвы роковой...
Господь сошел на Синий камень.
Светился нимб над головой.

Время завернуло за полночь. Анатолию, как и любому творческому человеку, не терпелось вынести на суд товарищей свою новую работу. Он стремительно прошел за перегородку в противоположной стороне мастерской и выкатил из-за нее на коляске полотно в человеческий рост, с изображением светлолицой женщины в цветном платье. Наше внимание привлекли лежащие на коленях руки с раскинутыми веером пальцами. Пальцы были неестественно длинными и тонкими, как поточенные карандаши. Они почему-то смущали художника и он произнес:

— На руках не заостряйте внимание, мне над ними надо еще поработать.

Со стороны перегородки выбежала маленькая, изрядно помятая мышка. А следом, не обращая никакого внимания на посторонних, рядом с ней появился лоснящийся кот тигровой расцветки, живущий в мастерской художника и оберегающий его холсты и картины от порчи грызунов. Он игриво, как жонглер, подкидывал ее вверх, мышка падала на пол, делала очередную попытку бежать, а кот, забияка и проказник, снова устремлялся к ней и придавливал бедняжку лапой. В нашей компании воцарилось молчание: что будет дальше? А мышка, устав от навязанной ей

игры, замерла, вжавшись в пол. Кот важно, с чувством честно исполненного долга, неторопливо отправился за перегородку. Мышь, блеснув просяными зернышками глаз, шустро сорвалась со своего места и юркнула в щель между плинтусом и полом:

— Слава Богу, перехитрила кота! Это ли не сюжет для детской сказки? — с облегчением выдохнул переживающий за мышку Геннадий Попов.

— Булгаковщина какая-то. Поскольку появился кот, значит, где-то поблизости находится и Воланд, а может, даже Мастер и Маргарита, — улыбнулась поэтесса Наталья.

Мы присели к столу. За окнами смолкал гул машин, уже не доносились людские голоса, уходил из окон домов электрический свет. И только в мастерской продолжалось бодрствование компании, постепенно настраивающейся на поэтический волн, на гребне которой находился пиит «всех времен и народов» Александр Пушкин.

Интересно и свежо говорил о современном стихосложении Вячеслав Лютый из столицы Черноземного края города Воронежа. Стройный, несколько сухощавый, с «тургеневской» бородкой, критик по призванию. Он умело перекидывал мостики от поэзии Анны Ахматовой, Марины Цветаевой к современной женской лирике. Говорил о находках и потерях, его стройный поток мыслей был ясен и понятен.

Словно подтверждая мысли критика о находках, замечательно читала свои стихи Валентина Ерофеева-Тверская. Эффектным завершением были строки о любви:

Как отголосок рая
Надкусанное яблоко в руке...

С настроением старалась донести до нас строки о православии, дружбе между украинцами и русскими Наталья. Напевно звучал ровный, чуть глуховатый голос Геннадия Попова. Он прочитал одно из своих любимых стихотворений «Ночной этюд с цикламенами» с изящной концовкой:

Но, словно молитву в ночи творя,
За горечь людских измен,
На подоконнике декабрия
Безумно цвел цикламен.

Настала очередь кемеровского поэта Сергея Донбая, недавно отметившего свое семидесятилетие. Крепкий, как боровичок, с седыми волосами и бородкой, человек светлый и праздничный, он читал стихи — и нам, слушающим его, виделись сугробы, похожие на верблюжьих горбы, сибирские вьюги и морозы.

Нет, это было не литературное состязание, а искреннее желание единомышленников и творцов угостить друг друга зрелой, как хорошее вино, поэзией. И мы больше хмелели не от спиртного, а от разговоров о литературе, о православии и российской культуре.

Апрельская ночь продолжала преподносить сюрпризы. С легким стоном скрипнула дверь. Из коридорного полумрака появился еще один припозднившийся гость — директор одного из культурно-развлекательных центров города. В широкополой шляпе и плаще темно-синего цвета, молодой мужчина с выразительными глазами, он прошелся вдоль картины, затем вернулся к столу и внимательно посмотрел на Анатолия:

— Раньше, до этого часа, пока я не видел этой картины, я считал, что ты художник, как и многие другие. Теперь понял: ты выше...

Вскоре, вежливо откланявшись, сопровождаемый скрипом двери, он исчез в полумраке длинного коридора, чтобы затем раствориться в темноте спящего города.

— Нас посетил Воланд! — с серьезным выражением на лице прокомментировал приход и уход важного человека критик из Воронежа. В мастерской все так грохнуло смехом, что даже вздрогнули стены и замигали лампочки.

Удивительная ночь с удивительно неординарными людьми входила в меня и заполняла мою душу. Я видел, как неравнодушно общаются Геннадий Попов и Валентина Ерофеева-Тверская. Их

сближало творчество, и этого было не скрыть.

Она живет в Азии за Уральскими горами, он — в центральной России. Между ними расстояние более двух тысяч верст, и они используют для встреч каждый удобный случай. Невольно наблюдаю: они переглядываются, глаза их горят, смеются открыто, заразительно. От безмятежного безудержного смеха у Геннадия даже слезы на глазах. Так естественно и открыто могут смеяться поэты и маленькие дети. Валентина, осмотрев всех присутствующих, философствуя, заговорила:

— Как объяснить и понять, что мы вдруг взяли и собрались в этой мастерской? Сергей — из Кемерово, Вячеслав — из Воронежа, я — из Омска, Геннадий — из Мордовии... Все из разных уголков России, а сегодня здесь — в Орле, в гостях... Как же случилось, что наши мысли так близки, и наши жизненные пути пересеклись, и вот мы здесь, все вместе в этой мастерской? Действительно, пути Господни неисповедимы...

Время завернуло на третий час. Анатолий снова отправился за перегородку и к столу вернулся с отливающей золотом медалью на ленточке алого цвета.

— Это, Геннадий Андреевич, награда из Поднебесной, за культурные связи с Россией.

— Ладно тебе шутить, — вновь утонул в безудержном смехе поэт.

На медали было изображение Мао Цзедуна, с одной стороны — молодого, как Ленин на октябрятской звездочке, а с другой — уже маститого кормчего.

Смеялись и мы, пока не увидели удостоверение на китайском и русском языках, подтверждающее подлинность награды. Кстати, точно такой же медали был удостоен и сам художник.

Геннадий Попов и Анатолий Костяников, объединив свои таланты, издали ныне широко известную книгу «На тысячу верст кругом Россия». В уникальном по мастерству и исполнению альбоме стихи и репродукции картин успешно дополняли друг друга. В типографии,

где печаталась книга, работали китайцы, часть тиража, под предлогом технического брака, они сумели вывезти к себе на родину. «Бракованное» издание в Китае стало бестселлером. Книгу оценили по самым высоким меркам и наградили авторов.

У меня на книжной полке на видном месте стоит этот литературно-художественный альбом, выпущенный в 2011 году в Орле с вступительной статьей известного писателя и редактора журнала «Новая книга России» Сергея Котьяло. Результатом такого творческого содружества стал удивительный сплав поэзии и живописи. На протяжении всего содержания словно ведется дружеский спор, что значительнее, выше: перо поэта или кисть живописца? Два высокоодаренных человека выступают на равных. Нет у Геннадия Попова усредненных стихотворений, как и нет усредненных картин у Анатолия Костяникова. Работа зрелых мастеров изумляет: каждое слово поэта выверено, даже незначительный мазок кисти художника в картине на месте.

Открывают альбом стихотворение «Сугробов стынут вереницы» и картина «Заснеженный дворик».

Сугробов стынут вереницы.
Сверкнет упавшая звезда,
Как будто огненная птица
Сорвется в бездну из гнезда.

В этих строках ощутима зима, ночь, легкий морозец и холодное небо, расшитое звездами. Мне оно напоминает космические строки М.Ю. Лермонтова «...и звезда с звездой говорит». И в картине художника — родной и близкий пейзаж: дома и сараи с заснеженными крышами.

Значительное место в альбоме отведено исторической поэме Геннадия Попова «Евпатий Коловрат», в которой с невероятной силой воспето героическое прошлое Рязанского края. И это, конечно, не случайно. Волею судьбы поэт, родившийся в Москве, из-за войны оказался в маленьком провинциальном городке Шилово Рязанской области. Ря-

занщину Геннадий Попов по праву считает своей малой родиной: там прошли его детство и юность. На рязанских просторах он впитывал все шорохи и запахи полевых раздолий, шум берез и кленов, видел ту же синь небес, которая «сосала» глаза Сергею Есенину. И словно из глубин рязанской земли вырвались поэтические строки:

Горела древняя Рязань...
Над павшими кружили птицы.
Костры, тревожные зарницы,
В кострах — святые образа...
Горели хищные глаза
На желтых лицах.
Пылала русская земля,
Шатались крепостные стены,
Под ноги ханские стелы
Плоды раздора и измены...

С улицы в мастерскую донесся красивый девичий голос: «Танцуй, Россия, и плачь, Европа, а у меня самая, самая, самая красивая попа...» И тут же в стройную песенную канву вклинился мужской бас: «Ты целуй меня везде, восемнадцать мне уже...» И вновь красивый девичий голос: «Я готова быть ведомой тобой, чем выше любовь, тем ниже поцелуи...» За окнами, у подножия художественной мастерской, происходило подобие экзамена сексуальных гурманов на знание современного песенного жанра, который, наверное, и в самых смелых снах не снился ни Алексею Фатьянову, ни Булату Окуджаве. Критик Лютый, иногда подчеркивающий, что он совсем и не лютый, а добрый, просто у него фамилия такая строгая, не мог оставить без внимания режущие его слух слова и не без веселого сарказма воскликнул: «О времена! О нравы!..»

Казалось, вот-вот, с минуту на минуту должно было произойти что-то неожиданное, ведь для нас эта ночь оказалась ночью невероятных мистификаций...

Прежде чем покинуть мастерскую, решили сфотографироваться на память на фоне эпического полотна «Судьбищенская битва». Грудь Геннадия Попова украшала медаль на широкой алой

леточке. Точно такую же медаль за компанию с другом повесил себе на грудь и Анатолий. Он принялся настраивать свой фотоаппарат с большим объективом и вспышкой, установил его на треножник. Мы расположились у картины. К нам быстренько примкнул, решив свои технические вопросы, и сам хозяин мастерской с пультом дистанционного управления:

— Сейчас вылетит птичка. Внимание! — подал команду Анатолий и нажал на кнопку пульта. Щелчок, вспышка — и синхронно за окнами мастерской раздалось что-то наподобие орудийного взрыва: треск, грохот... На уровне окон яркие вспышки и снопы красного, зеленого, белого света рассыпались и норовили искрящимися брызгами влететь в мастерскую. Цветные блики заплесали на наших лицах и лицах былинных героев.

Кто-то из жильцов дома не выдержал такого безобразия, выбежал из подъезда с криком возмущения и начал урезонивать расшалившуюся молодежь. И только мы не осуждали ночных хулиганов, нарушителей спокойствия целого жилого квартала.

— Как известно, Китай подарил миру пиротехнику. Так что, Гена, вам с Анатолием салютовала поздравлением с наградами не улица, а сама Поднебесная! — обронил, едва сдерживая смех, колоритный поэт из Кемерова.

Стиралась ночь, вкатываясь в утро, бледнело небо, блекли звезды. Завершились наши ночные посиделки. Мы вызвали такси. Кто-то отправился в гостиницу, кто-то домой, а я пошел на ноч-

лег к неподалеку живущему другу детства Виктору Феоктистову. Город спал. Редко проезжающие встречные машины меня окатывали с ног до головы светом фар. Я неторопливо брел по улице Горького, ведущей к спуску реки Орлик и к тургеневским местам, продолжая, как и Валентина, размышлять над тем, как же все-таки непредсказуемо выстраиваются взаимоотношения между людьми...

Более трех лет прошло с той памятной апрельской ночи. Как ни прискорбно осознавать, а уже больше года нет рядом с нами Геннадия Попова. Но остались его неповторимые стихотворения и поэмы. Он любил и стремился жить, он умел дружить, и в творчестве никогда не относился ревниво к успехам собратьев по перу. Ему доставляло удовольствие искать и находить молодые таланты. Весной 2016 года «Хрустальный родник» был проведен в свои сроки в городе Орле, и на литературном небосклоне ярко вспыхнули новые поэтические и прозаические дарования. Можно с уверенностью сказать: «Дело Геннадия Попова живет и побеждает».

Важна и такая деталь: друзья по литературному цеху А.В. Фролов, А.И. Лысенко, С.А. Ветчинников, художник А.Г. Костянников издали за свой счет посмертный сборник стихотворений поэта «Земные круги». Книга по содержанию соответствует своему названию. Поэтические круги разошлись по умам и сердцам почитателей талантливого поэта, пришедшего когда-то в литературу со своими темами и со своим неповторимым голосом.

